

BULLETIN
DE
LA CLASSE HISTORICO - PHILOLOGIQUE

DE
L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES

DE
St.-Petersbourg.

PAR SON SECRÉTAIRE PERPÉTUEL.

TOME PREMIER.

(Avec 3 planches lithographiées.)

St.-Petersbourg
chez W. Gräff héritiers.

ПРОДАЮЩИЙ

Leipzig
chez Leopold Voss.

(Prix du volume 2 roubles d'arg. pour la Russie, 2 écus de Pr. pour l'étranger.)

1844.

TABLE DES MATIÈRES.

(Les chiffres indiquent les numéros du journal.)

I.

M É M O I R E S.

- FRAEHN.** Summarische Uebersicht des orientalischen Münzkabinettes der Universität Rostock, und Anzeige der in demselben befindlichen unedirten oder vor andern bemerkenswerthen Stücke. (Fortsetzung.) 1. 2.
- DORN.** Tabary's Nachrichten über die Chasaren, nebst Auszügen aus Hafis Abru, Ibn-Aasem el Kufy u. A. Extrait. 3.
- GRAEFE.** Inscriptiones aliquot graece, nuper repertae, restituuntur et explicantur. Pars III. IV. Extraits. 5.
- BROSSET.** Histoire des Bagratides géorgiens, d'après les auteurs arméniens et grecs, jusqu'au commencement du XIe siècle. 10 et 11. Continuation. 12 et 13.
- DAVYDOFF.** Материалы для Русской Грамматики. *Supplément.*
- FUSS.** Compte rendu de l'Académie p. 1843. *Supplément.*

II.

N O T E S.

- DORN.** Versuch einer Erklärung von drei Münzen mit Sassaniden-Gepräge. 3.
- BAER.** Ueber labyrinthförmige Steinsetzungen im Russischen Norden. 5.
- KOEPFEN.** Ueber die Zahl der Nicht-Russen (Инородцы) in den Gouvernements Nowgorod, Twer, Jaroslaw, Kostroma und Nishnij-Nowgorod 6.

- BOEHLINGK.** Vorarbeiten zu einer ausführlichen Sanskrit-Grammatik, ein Ergebniss des Studiums der indischen Grammatiker. I. Veränderungen denen die aus- und anlautenden Vocale unterworfen sind 7. II. Veränderungen denen die aus- und anlautenden Consonanten unterworfen sind. 8 et 9. III. Ueber Consonanten-Verdoppelungen. 14 et 15.
- BROSSET.** Notice sur le mari russe de Thamar, reine de Géorgie. 14 et 15.
- BROSSET.** Notice sur un manuscrit géorgien. 14 et 15.
- MURALT.** Dionys der Areopagite und die Handschrift der nach ihm benannten Werke. 16.
- MURALT.** Ueber einige neu aufgefundene griechische Handschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek. 16.
- KOEPFEN.** Herrn Latkin's Nachrichten vom Nord-östlichen Theile des Archangelschen Gouvernements. 17.
- DORN.** Ueber einige bisher ungekannte Münzen des dritten Sasaniden-Königs Hormisdas I. 18. 19.
- BROSSET.** Essai chronologique sur la série des catholiques d'Aphkhezeth. 20 et 21.
- SAVELIEFF.** Notiz über funfzehn neue Ausgrabungen kufischer Münzen in Russland. 22.
- BOEHLINGK.** Ueber eine Pali-Handschrift. 22.
- DORN.** Ueber ein viertes in Russland befindliches Astrolabium mit morgenländischen Inschriften. 23.
- KOEPFEN.** Die Karatajen, ein Mordwinenstamm 24.

III.

R A P P O R T S.

- BROSSET. Rapport sur le *Systema phoneticum scripturae sinicae* de M. Callery. 18 et 19.
 BROSSET. Rapport différents documents géorgiens envoyés à l'Académie par l'Exarque de Géorgie. 22.

IV.

V O Y A G E S.

- BAER. Ueber Reguly's Reise zu den Finnischen Völkern des Ural. Article I et II. 18 et 19.
 SJÖGREN. Instruction générale donnée à M. Castrén, voyageur chargé par l'Académie de l'exploration de la Sibérie septentrionale et centrale. 20. 21.
 BAER. Neuere Nachrichten von Reguly über die Wogulen. 22.
 KOEPPEN. Instruction supplémentaire donnée à M. Castrén. 24.

V.

M U S É E S.

- SCHMIDT. Neueste Bereicherung der Tibetisch-Mongolischen Abtheilung des Asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 3.
 DORN. Ueber eine neue Bereicherung des asiatischen Museums. 4.
 FRAEHN. Rapport sur quelques nouvelles acquisitions. 5.
 FRAEHN. Ueber einige neue Erwerbungen des asiatischen Museums. 6.
 DORN. Die neueste Bereicherung des asiatischen Museums. 7.
 FRAEHN. Acquisitions du Musée asiatique. I et II rapports. 8. 9.

DORN. Letzte Schenkung von morgenländischen Münzen an das asiatische Museum. 17.

FRAEHN. Erste Erwerbung für das Asiatische Museum der Akademie im J. 1844. 22.

VI.

C O R R E S P O N D A N C E.

KORGANOFF, procureur du Synode Arméno-géorgien. Lettre à l'Académie. 4.

VII.

B U L L E T I N D E S S É A N C E S.

- Séances du 13 et 27 janvier. 6.
 Séances du 10 et 24 février. 7.
 Séance du 28 avril. 8. 9.
 Séances du 10 et 24 mars. 10. 11.
 Séances du 12 et 26 mai. 14. 15.
 Séances du 9 et 23 juin, 4 et 18 août, et 1 et 22 septembre. 16.
 Séances du 20 octobre, 3 et 17 novembre, 1 décembre. 18. 19.
 Séances du 15 décembre, 12 janvier 1844. 20. 21.
 Séances du 26 janvier, du 16 février, du 1 mars 1844. 23.
 Séance du 15 mars 1844. 24.

VIII.

C H R O N I Q U E D U P E R S O N N E L.

N. 1 et 2. 16.

IX.

A N N O N C E S B I B L I O G R A P H I Q U E S.

N. 1 et 2. 16.

ОСОБОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ

къ

ЖУРНАЛУ BULLETTIN SCIENTIFIQUE.

ИЗДАВАЕМОМУ ОТЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

—
I СТАТЬЯ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

О МѢСТОИМЕНІЯХЪ ВООБЩЕ И О РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Развитіе мѣстоименія въ организмѣ слова человѣческаго. — Значеніе мѣстоименія, какъ особой части рѣчи. — Раздѣленіе. — Ислѣдованіе происхожденія и значенія каждаго вида мѣстоименій.

Грамматика можетъ быть излагаема или въ видѣ учебника, необходимаго для первоначальнаго изученія языка, или какъ народная книга, важная для каждаго Русскаго, хранилище одного изъ драгоценнѣйшихъ сокровищъ, завѣщанныхъ намъ отъ предковъ, языка отечественнаго. Составленіе грамматики перваго рода, или учебника, обыкновенно согласуется со степенью учебныхъ заведеній, для которыхъ назначается. Дѣло трудное представляетъ грамматика втораго рода, которая должна заключать рациональное возсозданіе отечественнаго языка, и служить, какъ завѣтомъ отъ предковъ, такъ и закономъ для современниковъ. Такая книга, согласно съ мыслию Президента Академіи, *хранитъ и утверждаетъ языкъ*. Если въ словахъ содержатся всѣ

сокровища языка въ первоначальныхъ его формахъ; то грамматика показываетъ всю жизнь народнаго слова, всю судьбу его, неразлучную съ судьбами народа.

Каждый языкъ состоитъ изъ двухъ элементовъ: общихъ законовъ слова человѣческаго, и частныхъ особенностей, свойственныхъ тому или другому языку, или одной какой-либо отрасли языковъ. По этому изслѣдованію по части языка могутъ быть: философскія, относящіяся къ приложенію законовъ общей грамматики къ отечественному слову; историческія, составляющія предметъ сравнительной грамматики и основывающіяся на письменныхъ его памятникахъ. Издашныя доселѣ русскія грамматики, не исключая труда Ломоносова, не выполняютъ этихъ требованій, при всѣхъ достоинствахъ, какими онѣ отличаются какъ учебники. Въ настоящее время филологическія наблюденія надъ русскимъ языкомъ, протоіерея Павскаго, составляютъ драгоценные матеріалы для грамматики. Изъ иностранныхъ ученыхъ трудовъ по этому предмету можетъ служить образцомъ нѣмецкая грамматика Гримма.

Приготовительная обработка различныхъ частей русской грамматики, въ отношеніи теоретическомъ и историческомъ, будетъ издаваться при историко-филологическомъ Бюлетенѣ Академіи, подъ названіемъ *Матеріаловъ для русской грамматики*, Статьи, которыя войдутъ въ составъ

материаловъ, будутъ обрабатываемы по одной мысли и въ одномъ духѣ, сначала безъ всякой послѣдовательности, а по окончаніи отдѣльныхъ изслѣдованій каждой части рѣчи, расположатся въ систематическомъ порядкѣ.

Въ представляемой теоріи *мѣстоименія* объемъ и способъ изложенія соответствуетъ общему плану, по которому предположено составленіе русской грамматики: общее философское ученіе о словѣ *человѣческомъ*, съ указаніемъ на языки однородныя, служитъ основаніемъ частнымъ изслѣдованіямъ языка отечественнаго. Притомъ въ системѣ языка необходимо представить органическое развитіе слова: слѣдовательно, при всемъ разнообразіи частей рѣчи, должно показать единство мысли, развившейся въ этомъ разнообразіи.

§ 1. *Мѣстоименіе* (*pronomen*), по обыкновенному опредѣленію, выведенному изъ значенія слова, а не свойства его, есть часть рѣчи, поставленная вмѣсто имени предмета. По этому всѣ тропы, и. п. часть вмѣсто цѣлаго, причина вмѣсто дѣйствія, особливо всѣ метафорическія выраженія, употребляемыя вмѣсто настоящаго, или собственнаго названія предметовъ, должны относиться къ мѣстоименіямъ; и наоборотъ, мѣстоименія указательныя, притяжательныя и неопредѣленныя не принадлежатъ къ этой части рѣчи, потому что они не поставлены вмѣсто имени предмета, а находятся при самыхъ именахъ предметовъ. Очевидно, такое опредѣленіе мѣстоименія неполно и недостаточно; отъ сбивчивости же опредѣленія происходитъ разнорѣчіе грамматикъ въ раздѣленіи мѣстоименія и смѣшваніе ихъ съ именами прилагательными и числительными (*). Но если обратимъ вниманіе на употребленіе мѣстоименія во всѣхъ языкахъ при глаголь и имени, на измѣненія его по родамъ, числамъ, падежамъ и лицамъ; то откроемъ органическое развитіе его и значеніе. Эта часть рѣчи представляетъ совершенное тожество въ языкахъ соплеменныхъ, и, напротивъ, рѣзкое отличіе въ языкахъ разнородныхъ; въ ней слышатъ отголосокъ языка — праотца всѣхъ нарѣчій одного племени, передаваемый однимъ поколѣніемъ другому, для указанія потомкамъ общаго ихъ происхожденія и для увѣковѣченія ихъ народности. Во всѣхъ частяхъ рѣчи можно отыскать корни, образовавшіяся въ противоположенія гласныхъ и согласныхъ, или въ переносныхъ значеніяхъ угадать коренное понятіе, какое они выражали; сверхъ того всѣ части рѣчи представляютъ большее или меньшее словопроизводство. Въ мѣстоименіяхъ же не видимъ этихъ свойствъ, при настоя-

щемъ на нихъ воззрѣніи: они являются словами, отъ всѣхъ прочихъ отличными, не указываютъ на коренныя слова; у нихъ нѣтъ и родственныхъ словъ, которыя напоминали бы о первоначальномъ, одинакомъ съ ними происхожденіи.

§ 2. Посмотримъ на органическое развитіе слова *человѣческаго*. Языкъ есть мысль въ явленіи, а слово — воплотившееся въ звукахъ понятіе; отъ того органическое развитіе слова составляетъ одинъ и тотъ же процессъ съ органическимъ развитіемъ понятія; эти два развитія служатъ одно другому взаимнымъ объясненіемъ, и одного нельзя выразить безъ другаго. Мыслящій духъ посредствомъ чувствъ воспринимаетъ въ себя созерцаемый міръ, и органическимъ самоподобіемъ міръ вещественный претворяетъ въ духовный міръ мыслей и понятій. Такимъ образомъ *человѣкъ* созерцаемые имъ предметы усвадетъ духу, становится повелителемъ видимаго міра, запечатлѣвая приобрѣтенія свои именами, придаваемыми предметамъ. Съ одной стороны, *человѣкъ* превращаетъ внѣшній, вещественный міръ въ духовный міръ мыслей и понятій; съ другой, мысли его и понятія снова воплощаются въ языкъ. Такъ языкъ можемъ принять за вѣрное изображеніе духовнаго міросозерцанія; изъ него постигаемъ таинственный процессъ, которымъ въ каждомъ *человѣкѣ* и въ цѣломъ родѣ *человѣческомъ* внѣшній міръ вещественный претворяется въ міръ внутренней мысли и понятій. Изъ этого ясно, что путеводною мыслию всѣхъ изслѣдованій языка должна служить мысль объ органической жизни всего языка и каждой его части.

§ 3. Воспріятіе *вещественнаго міра* *человѣческимъ* духомъ совершается посредствомъ чувствъ; все развитіе языка указываетъ, что развитіе понятій исходитъ изъ чувственнаго созерцанія. Чувственное же созерцаніе представляетъ безконечное разнообразіе предметовъ, какъ собраніе особыхъ вещей; но духъ *человѣческій* не можетъ воспринять ихъ въ такомъ видѣ. Все, что доставляетъ чувственное созерцаніе, есть только вещество, которое духъ органически усвадетъ собственной своей природѣ, претворяя въ представленія и изъ этого образуя цѣлую систему слова. При болѣе глубокомъ изслѣдованіи самаго міра *вещественнаго* убѣждаемся, что и его нельзя принимать за громаду отдѣльныхъ вещей, какъ онъ съ перваго взгляда представляется чувствамъ, въ немъ также усматриваемъ полный организмъ, безпрерывно возобновляющійся и развивающійся. Въ *миръ* *вещественномъ* одно существуетъ для другаго, каждое особенное существо есть часть цѣлаго, общаго; вездѣ общее въ разнообразныхъ противоположностяхъ превра-

(*) Сводъ *Мартинова* грамматикъ Востокова и Греча, стр. 49 — 57.

щается въ особенное, и въ каждомъ особенномъ заключается новое противоположеніе. Высшее и самое общее противоположеніе въ вещественномъ мірѣ представляютъ *дѣйствіе* и *бытіе*, или сила и вещество. Подобнымъ органическимъ развитіемъ духъ человѣческой возсоздаетъ этотъ созерцаемый міръ. Въ мірѣ вещественномъ общее безпрестанно стремится обратиться въ особое вещество, дѣйствіе стремится стать бытіемъ; духовное же развитіе понятій начинается чувственнымъ созерцаніемъ, и духъ по свойству своему стремится отдѣльныя бытія привести ко всеобщности. Поэтому развитіе понятій въ направленіи своемъ противоположно развитію вещей; но общее въ томъ и другомъ мірѣ есть сила, дѣйствіе. Въ такомъ тождествѣ законовъ развитія міра вещественнаго и возсозданія его въ духѣ заключается возможность слова и языка.

§ 4. Какъ въ мірѣ вещественномъ мы видимъ дѣйствіе и бытіе; такъ и въ языкѣ, представляющемъ духовное возсозданіе этого міра посредствомъ слова, находимъ двѣ стихіи: *глаголь* и *имя*; одинъ означаетъ дѣйствіе, другое — бытіе, будетъ ли оно предметъ видимый, или въ умѣ представляемый. Изъ этихъ двухъ стихій развиваются всѣ прочія части рѣчи. Средину между глаголомъ и именемъ занимаетъ *прилагательное*: это глаголь, ставшій именемъ, или имя, ставшее глаголомъ. Всѣ прилагательныя происходятъ или отъ глагола, или отъ имени, и, наоборотъ, отъ прилагательныхъ, какъ отъ существительныхъ, образуются глаголы. Но и глаголь, и имя, и прилагательное означаютъ понятія общія, понятія рода или вида, н. п. *чистота, чистый, чистить*: какая же часть рѣчи въ организмѣ слова назначена для единичныхъ представлений, соответствующихъ созерцаемымъ въ насъ предметамъ, и посредствомъ какой части рѣчи общія понятія ума сводятся обратно къ отдѣльнымъ созерцаніямъ чувственнымъ?

§ 5. Мѣстоименіе органически развивается изъ глагола; первая форма этого развитія есть личное мѣстоименіе, изъ котораго происходятъ всѣ прочіе виды мѣстоименій. Назначеніе личнаго мѣстоименія состоятъ въ *оличеніи, или обособленіи дѣйствія* посредствомъ трехъ лицъ, различеніемъ родовъ третьяго лица, а въ нѣкоторыхъ языкахъ даже и втораго, и наконецъ числами. Такъ общія дѣйствія: *писать, читать, думать*, ставшася дѣйствіями оличенными, обособленными посредствомъ личныхъ мѣстоименій: *wir schreiben; ты читалъ; они или онъ думали*. Такое же назначеніе *оличать, обособлять бытія* имѣютъ другіе виды мѣстоименій, происшедшіе отъ личныхъ, каковы: мѣстоименія указательныя, притяжательныя. *Это* перо, *эта* книга, *мои*

мѣнныя—подобныя формы служатъ къ особенному опредѣленію бытія, представляють его предъ нашими глазами, какъ особое, отдѣльное созерцаніе. Если имя существительное называемъ выраженіемъ понятія о какомъ-либо бытіи, т. е. понятія о какомъ-либо предметѣ, видимомъ или въ умѣ представляемомъ; то мѣстоименіе станемъ называть частію рѣчи, служащею къ *оличенію, или обособленію дѣйствія или бытія*. Имена собственные отличаютъ предметъ отъ подобныхъ однородныхъ предметовъ, н. п. одинъ городъ называемъ Москвою, другой Петербургомъ и т. д., или одного человѣка зовемъ Александромъ, другаго Иваномъ и т. д. Но мѣстоименія и между этими названіями отличаютъ тѣ лица и тѣ предметы, которые должны быть представлены предъ нами присутствующими. Выраженія: *эта* Москва, *нашъ* Александръ, совершенно выполняютъ такое требованіе; они изображаютъ Москву и Александра предъ нашими глазами. При такомъ возрѣніи на мѣстоименія, они не могутъ быть смѣшиваемы ни съ прилагательными, ни съ числительными именами, изъ которыхъ одинъ означаютъ качество, другія количество.

§ 6. Сколько же можетъ быть видовъ части рѣчи обособляющей, или оличающей? — Дѣйствіе оличается и опредѣляется личными мѣстоименіями, или мѣстоименіями по преимуществу, и мѣстоименіемъ возвратнымъ. Бытіе, т. е. предметъ видимый или въ умѣ представляемый, оличается указаніемъ или превоееніемъ: отсюда необходимость, кромѣ личныхъ и возвратныхъ, въ мѣстоименіяхъ указательныхъ и притяжательныхъ. Сверхъ того указаніе предполагаетъ вопросъ, и оно можетъ быть болѣе или менѣе опредѣленнымъ: слѣдовательно еще происходитъ потребность въ мѣстоименіяхъ вопросительныхъ, опредѣлительныхъ и неопредѣленныхъ. Наконецъ придаточныя предложенія, служащія опредѣленіемъ и обособленіемъ подлежащему или сказуемому въ главномъ предложеніи, имѣютъ надобность въ особой формѣ — въ мѣстоименіяхъ относительныхъ. Эти мѣстоименія иногда служатъ поясненіемъ другимъ мѣстоименіямъ, н. п. *мы, которые* употребляемъ юланскій календаръ въ счисленіи времени, отстаемъ отъ иностранцевъ двѣнадцатью днями. — Очевидно въ отношеніи объективномъ, или въ отношеніи къ назначенію, мѣстоименія раздѣляются, во-первыхъ: на *личные, указательныя и относительныя*; во-вторыхъ, къ личнымъ относятся *возвратныя и вопросительныя*, а къ указательнымъ — *опредѣлительныя, притяжательныя и неопредѣленныя*. Такимъ образомъ открывается, что нѣтъ ни одного случая въ рѣчи, гдѣ бы мѣстоименіе, не смотря на свое названіе, собственно употребляемо было

вмѣсто имени; напротивъ, оно имѣетъ особенное назначеніе въ организмѣ слова, котораго другія части рѣчи выполнить не могутъ.

§ 7. Имя существительное, становясь принадлежностью другаго имени, принимаетъ форму прилагательнаго, н. п. *огненный, золотой*; становясь опредѣленіемъ дѣйствія, переходитъ въ нарѣчіе, н. п. *вечеромъ, днемъ*. Такъ и мѣстоименіе, первоначально означавшее бытіе въ видѣ существительнаго, ставясь принадлежностью другаго бытія или опредѣленіемъ дѣйствія, принимаетъ форму прилагательнаго и нарѣчія. Поэтому мѣстоименія, въ отношеніи субъективному, бываютъ: *существительныя, прилагательныя и адвербіальныя*. Характеръ существительныхъ опредѣлительные проявляется въ личныхъ мѣстоименіяхъ и вопросительныхъ. Прилагательныя показываютъ отношеніе предмета къ говорящему или къ другому понятію. Таковы мѣстоименія указательныя, притяжательныя и другія того же вида. Адвербіальныя мѣстоименія опредѣляютъ извѣстное дѣйствіе, означая въ особенности отношеніе мѣста и времени, н. п. *сюда туда*, образовавшіяся изъ указательныхъ мѣстоименій. Въ новыхъ языкахъ многія формы этого вида мѣстоименій частію потеряны, частію слишкомъ далеко отошли отъ формъ первоначальныхъ; но въ древнихъ языкахъ происхожденіе ихъ явственно. Такъ въ греческомъ языкѣ ясно происхожденіе адвербіальныхъ формъ: *οὗ, οὐί, ὅθεν*, или *ποῦ, ποῖ, ποθεν*; въ латинскомъ — *hic, huc, hinc*, или *illuc, illuc, illinc*.

§ 8. Начнемъ изслѣдованія наши о происхожденіи и значеніи каждаго вида этой части рѣчи съ мѣстоименій личныхъ, или мѣстоименій по преимуществу. Прежде всего посмотримъ на тожество ихъ въ языкахъ одного происхожденія.

Греческ.	Латин.	Славян.	Русск.	Нѣмецк.
		Ед. ч.		
ἐγώ,	ego	азъ	я	ich
ἐμοῦ, μοῦ	mei	мене	меня	meinet
ἐμοί, μοί	mihi	ми	мнѣ	mir
ἐμέ, μέ	me	мя	меня	miß
		Дв. чис.		
ὑδῖ νῶ		вѣ, ны		
ὑδῖν, νῶν		наю, намъ		
		Мн. ч.		
ἡμεῖς	nos	мы	мы	wir
ἡμῶν	nostrî	насъ	насъ	unser
ἡμῖν	nobis	намъ	намъ	unß
ἡμᾶς	nos	ны	насъ	unß
		Ед. ч.		
σύ, τῦ	tu	ты		du

σοῦ, τοῦ	tui	тебе	тебя	deinet
σοί, τοί	tibi	ти	тебѣ	dir
σε, τέ	te	тя	тебя	diß
		Дв. чис.		
σφῶϊ, σφῶ		вы, ва и вы		
σφῶν, σφῶν		ваю, вама		
		Мн. ч.		
ὑμεῖς	vos	вы	вы	ihr
ὑμῶν	vestri	васъ	васъ	euer
ὑμῖν	vobis	вамъ	вамъ	euch
ὑμᾶς	vos	вы	васъ	euch

Третье лице, для краткости, выпишемъ только Славянское и Русское.

	Ед. ч.	Мн. ч.
онъ (он)	она	оно они онѣ (оны) они (она)
его	ея	его ихъ
ему	ей	ему имъ
его (ц)	ее (ю)	его (е) ихъ (я)
имъ	ею	имъ имп
немъ (емъ)	нею (ей)	немъ (емъ) нихъ (ихъ).
	Дв. я.	
	она, онѣ; ею, има.	

Если находится предлогъ *передъ* *имъ, итъ, или;* то ставится придаточный и между предлогомъ и мѣстоименіемъ: къ *нимъ, отъ нихъ, съ ними*. Столь сходныя мѣстоименія въ характеристическихъ звукахъ по видимому принадлежатъ живымъ нарѣчіямъ одного и того же языка, между тѣмъ какъ одни изъ нихъ составляютъ часть языковъ мертвыхъ, другія живутъ въ устахъ миллионновъ (*). Характеристикою род. и вин. ед. ч. 1-го лица вездѣ сохранился *л*, а во 2-мъ л. *т* и соответственное ему мягкое *д*; во множ. числѣ 1-е лице удержало характеристикою *н*, а 2-е лице — *φ, υ* и *в*.

§ 9. Эти личные мѣстоименія, удержавшія на себѣ печать одинакаго происхожденія, мѣстоименія по преимуществу, выражаютъ только отношеніе сказуемаго къ первому, второму или третьему лицу, означаютъ бытіе не какъ понятіе, а какъ отношеніе, и показываютъ, самъ ли говорящій предъ нами находится, или тотъ, кому говорится, или наконецъ лице, о которомъ говорится. Окончанія личнаго глагола имѣютъ совершенно такое же значеніе. Такъ въ нашемъ языкѣ, въ греческомъ и латинскомъ, *бѣгу* и *бѣжистъ, surro* и *surrit*, то же что *ich laufe, er läuft*. Во многихъ языкахъ отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ происходятъ глаголы чрезъ прибавленіе личныхъ окончаній, н. п. *ужу, удись, удить*—отъ сущ. *уда, или чизу,*

(* F. G. Eichhoff Parallele des langues de l'Europe et de l'Inde, стр. 103 — 105.

чистишь, чистить — отъ прил. чистый; равно нѣкоторые американскіе языки образуютъ глаголы изъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ, поставляя предъ ними или послѣ нихъ личныя мѣстоименія (*). Въ большей же части этихъ языковъ личныя формы глагола образуются или предположеніемъ личныхъ мѣстоименій къ неизмѣняемому корню, или присоединеніемъ къ нему окончаній, такъ что личныя мѣстоименія и окончанія личнаго глагола имѣютъ одинакое назначеніе, и въ организмѣ языка одни замѣняются другими. Въ кельтическомъ языкѣ глаголъ спрягается двояко, или съ мѣстоименіемъ безъ личныхъ окончаній, или съ личными окончаніями безъ мѣстоименія (**). Боппъ указываетъ на подобное тожество личныхъ мѣстоименій и окончаній личнаго глагола въ языкахъ индогерманскихъ (***). Это тожество подтверждается особеннымъ свойствомъ славянскихъ языковъ въ прошедшемъ времени: въ нихъ родъ различается окончаніемъ трехъ лицъ, равно какъ и личныя мѣстоименія различаютъ родъ въ третьемъ лицѣ; а въ языкахъ семитическихъ родъ различается также во второмъ и третьемъ лицѣ окончаніями глагола и мѣстоименіями.

§ 10. Тожество личныхъ мѣстоименій и окончаній личнаго глагола подало поводъ къ двумъ различнымъ мнѣніямъ о происхожденіи мѣстоименій: одни принимаютъ окончанія личнаго глагола за слившіяся съ нимъ особыя слова; другіе видятъ въ личныхъ мѣстоименіяхъ отдѣлившіяся отъ личнаго глагола окончанія. Последнему мнѣнію слѣдуетъ и Беккеръ (****). Замѣчательно, что въ славянскомъ языкѣ окончанія личнаго глагола въ наст. вр. созвучны съ глаголомъ исп. есмь: глаголю, еши (еси), етъ, емъ (есмы), ете (есте), ютъ (суть); а въ этомъ глаголѣ нѣкоторые лица ед., дв. и мн. чиселъ какъ бы удержали характеристику личнаго мѣстоименія м, в и т. ева, есва, будва, будваъ; бѣхова бѣховъ; и пр. (****). Но какимъ органическимъ процессомъ входитъ мѣстоименіе въ жизнь языка, и какъ согласитъ образованіе его съ общимъ развитіемъ слова? Всѣ свойства личныхъ

(*) *Mithridates* ч. III, отд. II, стр. 642 и слѣд.; отд. III, стр. 582.

(**) *Legonides* Gram. celtobrettonne, стр. 70.

(***) *Fr. Bopp* Ueber das Conjugationssystem der Sanscritspr., стр. 147.

(****) *Organism der Sprache*, стр. 200 и слѣд.

(*****) Протоіерей *Павскаго* Филол. наблюд. ч. III, стр. 148 и 149. — *Доброскаго* II. Слав. грам. ч. I. § 90. — Примѣры сходства этого мѣстоименія съ глагольными окончаніями встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ; «въ вамъ, благовѣствуемъ» (Дѣян. 13, 32); «а въ сама ся урядель».

мѣстоименій въ отношеніи къ ихъ формѣ и значенію, вся загадочность ихъ легко для насъ объясняется, когда мы примемъ ихъ, вмѣстѣ съ Беккеромъ, за *отдѣлившіяся окончанія личнаго глагола*. Въ такомъ значеніи принимаемое мѣстоименіе не представляется частью рѣчи, чуждою прочимъ частямъ; напротивъ, оно со всѣми своими разнообразными формами развивается изъ одного первоначальнаго корня — глагола, съ тѣмъ только различіемъ, что мѣстоименіе, происходя отъ глагола, какъ окончаніе, въ дальнѣйшемъ развитіи становится потребностью и другихъ словъ, а прочія части рѣчи, происходящія также отъ глагола, какъ выраженія понятій, составляютъ собственно вещество языка.

§ 11. Мѣстоименія, имѣющія свойство окончаній глагола, не подвергаются измѣненіямъ, какія встрѣчаемъ въ другихъ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи. Слово тогда только измѣняется органически, когда отношеніе понятія выражается приставкою къ корню. Но мѣстоименіе не выражаетъ понятія и не представляетъ въ измѣненіяхъ своихъ корня, котораго приставка подвергалась бы склоненію. Различныя падежи мѣстоименія, п. *меня мнѣ*, не разлагаются на корень и приставку, какъ падежи именъ существительныхъ, п. н. сын-а, сын-у. Мѣстоименіе первоначально само есть окончаніе, измѣненіе глагола; отъ того падежи его: мнѣ, меня, намъ, насъ, или *mei, mihi, nobis, nos—mir, meiner, uns, euch*, столь отличны отъ своихъ именительныхъ: я, ego, ich. Если даже въ мѣстоименіи перваго лица принять за коренной звукъ *м* (*); то по общему закону словоизмѣненія не возможно объяснить этихъ поразительныхъ отступленій косвенныхъ падежей отъ своего именительнаго. Подобная неправильность и разнообразіе въ формахъ мѣстоименія встрѣчается не въ однихъ индоевропейскихъ языкахъ, но и въ американскихъ (**). Остается предположить, что всѣ эти падежи происходятъ отъ потеряннаго именительнаго.

§ 12. Во многихъ языкахъ личное мѣстоименіе употребляется въ значеніи возвратномъ; у насъ въ этомъ случаѣ особенное *возвратное* мѣстоименіе *ся* или *себя*, въ которомъ корень *с*, какъ въ *мя, ты, корни м, т*, употребляется при всѣхъ трехъ лицахъ, въ единственномъ и множественномъ числѣ, и для всѣхъ родовъ. Въ древнемъ русскомъ языкѣ оно предшествовало глаголу; говорили: *ся* кланяеть, *вм. кланяется*. Склоняется такимъ образомъ: род. *себя*, дат. *себѣ*, вин. *себя*, твор. *собою*, предл. *себѣ*. Такъ употребляется и латинское

(*) *Grimm* Deutsche Gramm. ч. I, стр. 606.

(**) *W. v. Humboldt* Ueber das Entstehen der gramm. Formen, стр. 10.

м. *sui, sibi, se*. Въ тѣхъ же языкахъ, въ которыхъ нѣтъ возвратнаго мѣстоименія, или оно потеряно, употребляются особыя составныя формы, н. п. въ греч. *ἑαυτοῦ*, въ англ. *himself*. Замѣчательно, что въ склоненіи возвратнаго мѣстоименія удерживается характеристика личнаго м. 1-го, особливо 2-го лица. Въ мѣстоименіяхъ, какъ въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, относящихся къ одушевленнымъ предметамъ мужскаго рода, родительнымъ падежемъ замѣняется винительный, потому что въ славянскихъ языкахъ и родительный означаетъ предметъ дѣйствія, какъ винительный.

§ 13. Вопросительныя мѣстоименія поставляютъ въ вопросѣ то отношеніе, которымъ отличается одинъ предметъ отъ другаго. Они, какъ и мѣстоименія указательныя, выражаютъ всегда отношеніе третьяго лица, потому что произошли отъ третьяго лица личнаго мѣстоименія, равно какъ и указательныя.

Вотъ первообразныя формы вопросительныхъ мѣстоименій, разившіяся изъ личнаго мѣстоименія 3-го лица, съ приставкою въ началѣ *к* и *ч*. Первое изъ вопросительныхъ мѣстоименій въ русскомъ языкѣ получило значеніе мѣстоименія относительнаго.

Един. чис.		
м.	ж.	ср.
кѣй (кѣй)	кая	кое
когого	кояя	когого
кому	коя	кому
кѣй	кую	кое
кѣимъ (кѣимъ)	кою	кѣимъ
кѣемъ	коя	кѣемъ

Множ. чис.		
м.	ж.	ср.
кѣи (кѣи)		
кѣихъ (кѣихъ)		
кѣимъ (кѣимъ)		
кѣя, кѣя, кая (кѣихъ, кѣи)		
кѣимъ (кѣимъ)		
кѣихъ (кѣихъ)		

Един. чис.		
м.	ж.	ср.
чѣй (чѣй)	чѣя (чѣя)	чѣе (чѣе)
чѣго	чѣя	чѣго
чѣму	чѣя	чѣму
чѣй	чѣю	чѣе
чѣимъ	чѣю	чѣимъ
чѣемъ	чѣя	чѣемъ

Множ. чис.		
м.	ж.	ср.
чѣи (чѣи, чѣя, чѣя)		

чѣихъ
чѣимъ
чѣй (чѣи)
чѣимъ
чѣихъ.

Изъ перваго вопросительнаго м. *кѣй* составилось м. *кто*, изъ втораго *чѣй* — *что*; то и другое склоняется сходно съ своимъ первообразомъ.

Обоихъ чиселъ и всѣхъ родовъ.

кто	что
кого	чего
кому	чему
кого	что
кѣмъ	чѣмъ
комъ	чемъ.

На вопросительное мѣстоименіе отвѣчаетъ указательное, н. п. *кто* сдѣлалъ это? — *этотъ* или *тотъ*, кому ты поручилъ. Отсюда выводимъ заключеніе, что мѣстоименія указательныя и вопросительныя между собою взаимно соотвѣтственны.

§ 14. Сверхъ того виды вопросительныхъ мѣстоименій означаютъ не только самое лице или предметъ, но и въ которыхъ ихъ отношенія, именно число, величину, форму; поэтому во всѣхъ языкахъ есть соотвѣтственные этимъ отношеніямъ слова, образовавшіяся изъ вопросительныхъ и указательныхъ мѣстоименій посредствомъ приставокъ. Таковы въ видѣ прилагательныхъ образовавшіяся формы: *коликій* и *сколькій*, *толкій* и *столькій*, употребительныя болѣе въ косвенныхъ падежахъ, и преимущественно множественнаго числа, *какій*, или *какой*, изъ корня *к* и *акій*. Склоняются эти формы съ нѣкоторою переменною противъ м. *кѣй* или *кѣи*.

Един. чис.		
м.	ж.	ср.
какой	какая	какое
какого	какія	какого
какому	какой	какому
какого и какой,	какую	какое
какимъ	какою	какимъ
какомъ	какой	какомъ

Множ. чис.		
какіе	какія	какія
какихъ	—	—
какимъ	—	—
какихъ и какіе	какія	какія
какимъ	—	—
какихъ	—	—

Коликій и *сколькій*, *толкій* и *столькій*, склоняются въ множественномъ числѣ одинаково съ м. *какой*. Мѣсто-

именія *сколькй* и *столькй* употребляются въ видѣ нарѣчій: *сколько, столько*. Съ предлогами *по* и *на* встречающіяся выраженія: *по сколько, на столько*, принимать должно за дательный усѣченный и винительный падежи прилагательныхъ мѣстоименій *сколькй* и *столькй*.

Вопросительныя мѣстоименія иногда съ нѣкоторыми приставками употребляются въ значеніи неопредѣленныхъ: *quis* aliquis, quisquis, кто *либо*, что *нибудь*. Эта неопредѣленность значенія, въ соединеніи съ соответственной взаимностью вопросительныхъ и указательныхъ мѣстоименій, объясняетъ, почему во всѣхъ языкахъ вопросительное мѣстоименіе поставляется вмѣсто относительнаго, когда надобно выразить понятіе, какъ принадлежность предмета, посредствомъ придаточнаго предложенія, н. п. «тотъ часто повторяетъ себя, *кто* много говоритъ.» — Въ вопросахъ, вмѣсто *какой, ал, ое*, употребляется *что* съ предлогомъ *за*, н. п. «*что* за челоуѣкъ пришелъ къ намъ?»

§ 15. Мѣстоименіе, будучи окончаніемъ глагола, обособляетъ, или отличаетъ дѣйствіе; становясь же отдѣльнымъ органомъ слова, оно получаетъ еще обширнѣйшее назначеніе обособленія, или *оличенія*: въ дальнѣйшемъ развитіи оно родовыя и видовыя понятія, выражаемыя именами, сводитъ на единичныя представленія. Такъ слова: *домъ, конь*, изображаютъ родовыя понятія; посредствомъ же мѣстоименій — *мой* или *его, этотъ*, родовыя понятія сводятся въ единичныя представленія: *мой* или *его домъ, этотъ конь*. Во многихъ американскихъ языкахъ почти при каждомъ существительномъ ставится притяжательное мѣстоименіе (*). Въ греческомъ, лѣмецкомъ и въ другихъ новыхъ языкахъ членъ не то же ли имѣетъ значеніе — отличать, обособлять?

§ 16. Мѣстоименія указательныя, по формѣ своей, въ языкахъ родственныхъ представляютъ измѣненія личныхъ мѣстоименій третьяго лица. Они образовались изъ 3-го лица личнаго мѣстоименія, съ приставкою коренныхъ слоговъ *съ, тѣ, он*.

Един. чис.		
м.	ж.	ср.
сей (съ, сій)	сія (си)	сіе (се)
сею	сея	сею
сему	сей	сему
сею (съ, сей)	сію	сіе (се)
симъ	сею	симъ
семъ	сей	семъ
Множ. чис.		
м.	ж.	ср.
сѣи (си)	сѣи (сія)	сѣи (си, сіа)

(*) См. *Mithridates*.

сихъ
симъ
сихъ (сія, си)
сими
сихъ.

Един. чис.		
м.	ж.	ср.
тотъ (т, той)	та (тая)	то (тоѣ)
того	той (тоя)	того
тому	той	тому
того, тотъ, (т, той)	ту (тую)	то (тоѣ)
тѣмъ	тою	тѣмъ
томъ	той	томъ
Множ. чис.		
м.	ж.	ср.
тѣ (ти, тѣи)	тѣ (ты, тыя)	тѣ (та, тая)
тѣхъ	—	—
тѣмъ	—	—
тѣхъ, тѣ (ты, тыя)	—	тѣ (та, тая)
тѣми	—	—
тѣхъ	—	—

Мѣстоименіе *этотъ* составлено изъ личнаго м. ср. р. *е* и *тотъ*, и потому имѣетъ значеніе указанія болѣе оцутительнаго. Склоняется въ мужескомъ и сред. родѣ мн. ч., удерживая характеристику ц. славянскаго языка, именно *и, вм. ѣ*. Наоборотъ, м. *тотъ* же приставку имѣетъ въ концѣ и склоняется одинаково съ м. *тотъ*.

Един. чис.		
оный (он)	оня (она)	оное (оно)
онаго (оного)	оной (оноя)	онаго (оного)
оному	оной	оному
онаго, оный (он)	оную (оноу)	оное (оно)
онымъ (онѣм)	оною	онымъ (онѣм)
ономъ	оной	ономъ
Множ. чис.		
оные (они)	оня (оны)	оня (она)
оныхъ (онѣхъ)	—	—
онымъ (онѣмъ)	—	—
оныхъ, оные (оны)	оня (она)	оня (оны)
оними (онѣми)	—	—
оныхъ (онѣхъ)	—	—

Русскія формы разнятся отъ ц. славянскихъ однимъ только измѣненіемъ *и на е*, въ указ. м. сей, и того же *и на ѣ*, въ вопрос. м. чей. И это происхожденіе мѣстоименій указательныхъ, вопросительныхъ и относительныхъ непосредственно отъ личныхъ объясняетъ то общее всѣмъ языкамъ свойство, по которому указательныя переходятъ въ личныя, а относительныя въ указательныя, и одна вмѣсто другихъ употребляются. Подобную взаимность

видимъ и въ латинскомъ языкѣ. Изъ мѣстоименіи: *is, ea, id*, которое первоначально было личное, а не указательное, посредствомъ придыханія или согласной, образовались указательныя мѣстоименія: *hic, haec, hoc*; вопросительныя: *quis, quae, quid*, и относительныя: *qui quae, quod*. Усиленіе личнаго мѣстоименія посредствомъ придыханія или согласной во всѣхъ языкахъ означаетъ переходъ его въ указаніе или вопросъ: здѣсь естественно выраженіе требуетъ полногласія.

§ 17. Указательныя мѣстоименія отличаютъ тотъ предметъ, о которомъ рѣчь идетъ, отъ всѣхъ другихъ предметовъ, обособляють его, общее понятіе сводятъ на единичное представленіе. Такъ какъ они произошли отъ третьяго лица личнаго мѣстоименія, то и выражаютъ всегда отношеніе этого лица. Указательное отношеніе, которымъ одинъ предметъ отличается отъ другаго, бываетъ двоякое: или отношеніе бытія къ говорящему, или отношеніе бытія къ понятію, какъ принадлежность бытія. Указательное мѣстоименіе выражаетъ отношеніе къ говорящему, когда означаетъ только бытіе такимъ образомъ, что говорящій отличаетъ его отъ всѣхъ предметовъ однородныхъ, н. п. дай мнѣ *это перо*; онъ написалъ *это письмо*. Для чувственнаго воззрѣнія одинъ предметъ отъ другаго различается мѣстомъ въ пространствѣ; поэтому говорящій означаетъ такое отношеніе тѣмъ, что вмѣстѣ съ словомъ указываетъ тѣлодвиженіемъ на мѣсто предмета. При этомъ родъ указательнаго отношенія означаетъ пространственное противоположеніе близости и дальности; почему во всѣхъ языкахъ есть особыя указательныя мѣстоименія для такого противоположенія: *о἗τος и ἐκεῖνος*, *hic* и *ille* *сей* или *этотъ* и *тотъ*. Другое указательное отношеніе отличаетъ одинъ предметъ отъ прочихъ посредствомъ понятія, служащаго принадлежностью предмета, именно, посредствомъ придаточнаго предложенія, н. п. «того, кого ты ищешь, здѣсь вѣтъ.» Указательныя мѣстоименія, первоначально означали только указательное отношеніе къ говорящему, а послѣ стали означать и отношеніе къ понятію. Одни изъ указательныхъ мѣстоименій, н. п. *сей, этотъ*, означаютъ только отношеніе къ говорящему; другія, н. п. *тотъ*, кромѣ этого отношенія, показываютъ отношеніе къ понятію. Въ иныхъ языкахъ образовались особыя указательныя мѣстоименія, означающія отношеніе къ понятію, н. п. въ нѣм. *derjenige*, въ англ. *those*, во франц. *celui, celle*. Замѣтимъ, что вмѣсто указательнаго мѣстоименія употребляется третье лице личнаго мѣстоименія у насъ, въ греч. и лат. языкахъ, что согласно съ упомянутою взаимностью того и другаго мѣстоименія.

Къ указательнымъ мѣстоименіямъ принадлежитъ м. *такой, такая, такое* составленное изъ *кой*, съ приставкою въ началѣ. Склоняется однаково съ м. *какой* (§ 14).

§ 18. Во всѣхъ языкахъ есть особенныя указательныя формы, которыми не только опредѣляется и обособляется предметъ отъ другихъ однородныхъ предметовъ, но и придается ему исключительно извѣстное отношеніе. Иные языки образуютъ такія формы изъ личнаго или указательнаго мѣстоименія, какъ греческій, латинскій и нашъ: *αὐτός, ipse* (вѣроятно изъ *is* — *re*), *самъ* и *самый* (с и ѣ съ кореннымъ слогомъ, имѣющимъ характеристикою личное мѣст. м.); германскіе языки употребляютъ для этого производныя слова: *derselbe* (изъ древ. *therselbo*) и *selbst*. Такія мѣстоименія называются *опредѣлительными*, и склоняются однаково съ *какой* и *такой*.

Един.		Множ.	
м.	ср.	ж.	Всѣхъ родовъ
самъ,	само,	сама,	сами
самого	самого	самой	самихъ
самому	самому	самой	самимъ
самого,	само	самую (му)	самихъ
самимъ	самимъ	самою	самими
самомъ	самомъ	самой	самихъ.

Въ просторѣчій вм. *самую* говорится *самою*; но это есть злоупотребленіе, которому слѣдовать не должно. Опредѣлительное мѣстоименіе иногда употребляется вмѣсто личнаго, н. п. «отецъ приказалъ сыну, чтобъ *самъ* занялся этимъ дѣломъ.» Мѣстоименіе *самый* имѣющее свойство преимущественнаго оличенія, при именахъ прилагательныхъ употребляется для означенія превосходной степени. Въ латинскомъ языкѣ этому мѣстоименію, кромѣ *ipse*, соответствуетъ приставка *met*: *egomet, tumet, posmet*.

Сюда же относится и м. *весь*, очевидно происшедшее изъ корня *es*, означающаго цѣлость, полноту. Иные принимаютъ *весь* за имя прилагательное; но и происхожденіе его и значеніе опровергаютъ это мнѣніе. Слово *весь* выражаетъ особое опредѣленіе, или указаніе предмета, равно какъ *самый*, не означая никакого качества, н. п. «сбери себѣ *весь* этотъ хлѣбъ съ поля.» Мѣстоименіе *весь*, равно какъ и *самый*, для усиленія, ставится при сравнительныхъ степеняхъ: *всёкорѣйшій, всенижайшій*. Новое подтвержденіе, что это слово имѣетъ значеніе мѣстоименія опредѣлительнаго. Склоняется это мѣстоименіе сходно съ своимъ первообразомъ.

Един. чис.		
м.		ср.
весь	вся	все
всего	всѣя, всѣй	всего
всему	всѣй	всему
всего, весь	всю	все
всѣмъ	всѣю	всѣмъ
всѣмъ	всѣй	всѣмъ.

Множ. чис.		
м. ж. и ср.		
	всѣ	
	всѣхъ	
	всѣмъ	
	всѣхъ, всѣ	
	всѣми	
	всѣхъ.	

§ 19. Притяжательныя мѣстоименія произошли отъ родительскаго личныхъ мѣстоименій; это особый видъ личныхъ, или личныхъ притяжательныя мѣстоименія. Въ нѣмецкомъ языкѣ ихъ происхождение очевидно: *meiner* — *mein*. Отъ этого сродства личныхъ и притяжательныхъ мѣстоименій у насъ, равно какъ въ греческомъ, латинскомъ, англосаксонскомъ (*), аллеманскомъ (**), родительный личнаго замѣняетъ м. притяжательное. Въ русскомъ языкѣ притяжательныя мѣстоименія образовались изъ личнаго м. 3-го лица, съ приставкою: мой, я, е; твой, я, е; свой, я, е; нашъ, а, е; вашъ, а, е. Это происхождение явственно изъ окончаній во всѣхъ падежахъ и изъ характеристикъ: 1-го лица ед. ч. м, 2-го л. т; 1-го лица мн. ч. 2-го л. в. Всѣ эти характеристики сохранились въ мѣстоименіяхъ и другихъ славянскихъ нарѣчій, какъ-то: въ сербскомъ, польскомъ, чешскомъ. Склоняется одинаково съ своимъ первообразомъ.

Един. чис.		
м.		ср.
мой	мой	мое
моего	моея, ей	моего
моему	моей	моему
моего, мой	мою	мое
моимъ	моею	моимъ
моимъ	моей	моимъ
Множ. чис.		
м. ж. и ср.		
	мои	
	моихъ	

(*) *Nickes Instit. Gram. Anglosax.* стр. 20.

(**) *Offrid.* ч. I, стр. 1, 4.

МОИМЪ
МОИХЪ, МОИ
МОИМИ
МОИХЪ.

По этой же формѣ склоняется: *твой, я, е, и свой, я, е, равно и нашъ, а, е, вашъ, а, е, образовавшіяся изъ множ. ч. личнаго мѣстоименія 1-го и 2-го лицъ: насъ, васъ.*

Един. чис.		
м.	ж.	ср.
нашъ	наша	наше
нашего	нашей, ей	нашего
нашему	нашей	нашему
нашего, нашъ	нашу	наше
нашимъ	нашею	нашимъ
нашемъ	нашей	нашемъ

Множ. чис.		
м. ж. и ср.		
	наши	
	нашихъ	
	нашимъ	
	нашихъ, наши	
	нашими	
	нашихъ.	

Для 3-го лица, вмѣсто притяжательнаго, употребляется родительный падежъ личнаго мѣстоименія, какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ: «его и ихъ люди.»

§ 20. Притяжательное м. *свой* у насъ употребляетъ при всѣхъ трехъ лицахъ, для всѣхъ родовъ, въ единственномъ и множественномъ числѣ: «я, ты, онъ, она, оно, мы, вы, они и онѣ взялъ, а, о, и, *свою* книгу. Въ нѣмецкомъ языкѣ есть особая форма притяжательнаго м., вошедшая въ употребленіе не слѣшкомъ давно (*): *der meinige, der deinige, im. der meine, der deine*. Забѣлательно, что въ латинскомъ языкѣ часто опускаются притяжательныя мѣстоименія, если на нихъ нѣтъ силы голоса, и. н. *patri punciavi, hortum vendidi*. Напротивъ, въ англійскомъ языкѣ притяжательныя мѣстоименія и тамъ употребляются, гдѣ они совершенно излишни, и. н. *I have it in my hands; j see it before my eyes*. Русский языкъ въ этомъ случаѣ занимаетъ среднюю.

§ 21. Отличительное свойство неопредѣленныхъ мѣстоименій состоитъ въ томъ, что они означаютъ неизвѣстное бытіе, какъ особое существо, и, подобно существительнымъ мѣстоименіямъ, различаютъ только лице

(*) *Grimm* ч. III, стр. 9.

и вещь, а потому и употребляются въ одномъ единственномъ числѣ. По средству неопредѣленнаго указанія съ вопросомъ, они образуются изъ вопросительныхъ существительныхъ мѣстоименій, съ приставкою въ началѣ. Таковы мѣстоименія существительныя неопредѣленныя: *нѣкто*, *нѣчто*, составившіяся изъ утвержденія *нѣ* и *кто*, *что*; *дѣтис*, *дѣти* изъ *тис* и *ти*; *aliquis* изъ *quis*. Существительныя неопредѣленныя мѣстоименія: *никто* и *ничто*, изъ тѣхъ же вопросительныхъ *кто* и *что* и отрицанія *ни* происшедшія, склоняются одинаково съ своими первообразами, именно *никто*, какъ *кто*, а *ничто*, какъ *что*. Первое мѣстоименіе говорится о лицахъ, второе о вещахъ. Въмѣсто этихъ мѣстоименій употребляется составленное изъ имени числительнаго неопредѣленное м. *ниодинъ*, *ниодна*, *ниодно*. Въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименій *никто* и *ничто* предлогъ ставляется между приставкою *ни* и корнемъ *кто* и *что*: ни *у* кого, ни *о* чемъ. Также и прилагательныя неопредѣленныя мѣстоименія происходятъ изъ вопросительныхъ прилагательныхъ: *нѣкій*, *нѣкоторый*, *нѣсколькій*, *нѣкакій*; а мѣстоименіе *иный*, *ал*, *о*е удержало слѣды происхожденія отъ *оный*, *ал*, *о*е. Этотъ видъ мѣстоименій не рѣдко смѣшивается съ числительными именами; но характеристика однихъ заключается въ оличеніи, хотя неопредѣленною, другихъ — въ количественности. Склоняются неопредѣленныя мѣстоименія по формѣ тѣхъ, отъ которыхъ они произошли, кромѣ *нѣкто* и *нѣчто*; первое изъ нихъ употребляется только въ именительномъ, а второе въ именительномъ и винительномъ падежахъ. Сюда принадлежатъ: *кто-то*, *что-то*, въ которыхъ склоняются корни *кто* и *что*, а приставки не перемѣняются. Въ видѣ нарѣчій употребляются: *нѣсколько*, *нѣкогда*, изъ *нѣкій* съ приставкою.

§ 22. Къ неопредѣленнымъ мѣстоименіямъ принадлежитъ ц. славянское *кѣждо*, составленное изъ *кѣй* съ приставкою; а изъ *кѣждо* образовалось русское м. *каждый*, *ая*, *о*е, склоняющееся по формѣ м. *ѣкоторый*. Сюда же относятся *всякій*, *ая* *о*е, происшедшее изъ корня *вс* и *лкій*, равно *кто*, *что*, составленные съ *либо* и *нибудъ*: *кто либо*, *что либо*, *кто нибудъ* и *что нибудъ*. *Всякій* склоняется по формѣ *какій*, а *кто либо*, *что либо*, *кто нибудъ* и *что нибудъ* перемѣняютъ въ склоненіи только *кто* и *что*; приставки же *либо* и *нибудъ* остаются безъ перемѣны.

Мѣстоименія *всякій* и *каждый*, не рѣдко смѣшиваемыя, различаются между собою по значенію тѣмъ, что одно показываетъ оличеніе въ отношеніи къ качественности, другое въ отношеніи къ количественности. Поэтому надобно говорить: «всякій Христіанинъ въ храмѣ обрѣтаетъ миръ души», и «каждый прихожанинъ

обязанъ содѣйствовать благолѣвію своего храма.» Въ значеніи неопредѣленныхъ мѣстоименій употребляются *одинъ* и *другой*, и п. *одини* полагаютъ, что луна обитаема, *другие* это отвергаютъ. Смыслъ такого выраженія неопредѣленный; можемъ и просто сказать: полагаютъ, утверждаютъ. Въ этомъ случаѣ *одинъ* и *другой* соответствуютъ нѣмецкому неопр. м. *тап*. Но въ предложеніи: «*одинъ* платокъ для тебя, *другой* для меня, *одинъ* и *другой* суть имена числительныя.

§ 23. Относительныя мѣстоименія опредѣляютъ придаточнымъ предложеніемъ подлежащее или сказуемое предложенія главнаго. Вотъ первоначальный видъ этого мѣстоименія въ ц. слав. яз., образовавшійся изъ личнаго 3-го лица, съ приставкою въ концѣ.

Един. чис.

м.	ж.	ср.
иже	яже	еже
егоже	еяже	егоже
емуже	ейже	емуже
ѣже	юже	еже
имже	еюже	имже
емже	ейже	емже

Множ. чис.

м. ж. и ср.

иже	яже	яже
ихже		
имже		
яже		
имже		
ихже		

Въ русскомъ языкѣ употребляется въ значеніи относительнаго мѣстоименія вопросительное *кой*, *кол*, *кое* (§ 13) и *который*, *которая*, *которое*. Последнее преимущественно удержано польскимъ языкомъ. Изъ происхожденія въ этомъ языкѣ можно заключить, что оно образовалось изъ *кто*, съ окончаніемъ *личнаго* м. *й*. — Прежде употреблялось и *который* (*); поэтому непосредственное происхожденіе этого мѣстоименія ведется отъ *кто* и *іетер*, *а*, *о*, вышедшаго изъ употребленія. Употребляется м. *который* и въ значеніи вопросительнаго: «*который* изъ троихъ?» Склоняется оно подобно м. *кой* и *какой*.

Един. чис.

м.	ж.	ср.
который	которая	которое
котораго	который и ой,	котораго
которому	которой	которому
котораго, ѣй	которую	которое

(*) *Добровскаго* Ц. Сл. гр. ч. I, § 30.

которымъ	которою	которымъ
которомъ	которой	которомъ
	Множ. чис.	
	м. ж. и ср.	
	которые, ыя, ыя	
	которыхъ	
	которымъ	
	которыхъ, ыя и ыя	
	которыми	
	которыхъ.	

Другое вопросительное мѣстоименіе *какой* (§ 14) также употребляется въ значеніи относительнаго; а изъ этого мѣстоименія образовалось, съ приставкою *во*, м. *каковой, ая, ое*, склоняющаеся по формѣ м. *который*.

§ 24. Относительныя мѣстоименія по существу своему принадлежатъ къ м. прилагательнымъ; отъ того вмѣсто ихъ употребляются вопросительныя мѣстоименія, также имѣющія форму прилагательныхъ, рѣдко существительныхъ. Изъ нихъ однако *кто* и *что* иногда замѣняютъ м. относительное, и, п. «большой каменный домъ, *что* на Тверской, продается.» Это мѣстоименіе употребляется даже и во мн. ч., и п. «деньги, *что* на немъ были, уплачены». Въ просторѣчій оно обыкновенно замѣняетъ м. *который*: «*кто* доволенъ, тотъ и богатъ.» Въ среднемъ родѣ м. *что* обыкновенно слѣдуетъ за указательнымъ *то*: «не все *то* золото, *что* блеститъ.» Не рѣдко, вмѣсто *который*, слышать можно *какой*, отъ чего эти мѣстоименія смѣшиваются; но между ими находится примѣтная разница. Стоитъ только помотрѣть на соответственныя каждому изъ нихъ мѣстоименія, чтобъ въ этомъ убѣдиться: мѣстоименію *который* соответствуетъ *тотъ*, а м. *какой* — *такой*. Поэтому одно имѣетъ значеніе простаго опредѣленія, или оличенія, а другое выражаетъ образъ и способъ бытія, или предмета. Такое именно различіе находится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «вещи, *которыя* вы выбрали, принесены,» и «вещи, *какія* вамъ угодно было имѣть, теперь здѣсь». Такое различіе наблюдается въ нѣмецкомъ языкѣ между м. *der* и *welcher*. Въ англійскомъ языкѣ соблюдается еще бѣльшая точность въ относительныхъ мѣстоименіяхъ: тамъ *who* относится къ лицамъ, а *which* къ вещамъ.

§ 25. Относительное мѣстоименіе, какъ и личное, изъ котораго оно первоначально образовалось, означаетъ собственно третье лице, но употребляется въ отношеніи и къ первому и ко второму лицу, и п. «я, *который* вамъ другъ;» «*ты*, *который* такъ думаешь.» Въ нѣмецкомъ языкѣ въ обращеніяхъ къ первому и второму лицу повторяется личное мѣстоименіе: *ich, der ich ihm der nächste bin; ihr, die ihr älter seid.*

§ 26. Изъ *какой, колікій, сколькій, такой, столькій, толикій* произошли нарѣчія: *какъ, коль, сколь, такъ, столь, толико*; а изъ мѣстоименій *се* и *то* образовались нарѣчія *туда, всегда, тогда*. По причинѣ этого родства мѣстоименій и нарѣчій, изъ нихъ произведенныхъ, вмѣсто *который*, говорится *идь*, и п. («мѣсто, *идь* мы были») время, *когда* онъ пришелъ; *способъ*, какъ онъ выражается.» Такъ говорится и въ нѣмецкомъ языкѣ: «*der Ort, wo er wohnt; die Zeit, wann er kömmt; die Weise, wie er spricht* (*).»

§ 27. Въ древнемъ языкѣ нашемъ прилагательныя имена употреблялись усѣченныя и склонялись одинаково съ существительными, и п. «*миогамъ душамъ крестыяскамъ* (**); *потребами монастырсками* (***)» Для образованія полныхъ прилагательныхъ, прибавлялось къ этимъ окончаніямъ личное мѣстоименіе 3-го лица: *й, я, е*. Такъ изъ *добръ, силь*, составились прилагательныя, *добрый, ая, ое*, и *сильный, яя, ее*. Отъ того въ нынѣшнемъ склоненіи именъ прилагательныхъ удержаны окончанія падежей личнаго мѣстоименія 3-го лица. Это окончаніе замѣняетъ опредѣленный членъ другихъ языковъ.

§ 28. Итакъ разысканія наши органическаго развитія мѣстоименій въ словѣ человѣческомъ, значенія ихъ и различныхъ видовъ, приводятъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а. Мѣстоименія личныя, или мѣстоименія по преимуществу, первоначально составляли окончанія личнаго глагола, и, отдѣлившись отъ него, удержали значеніе *опредѣленія*, или *оличенія* лицъ, родовъ и чиселъ въ глаголахъ.

б. Мѣстоименія (pronomina), какъ особая часть рѣчи, первоначально служившая опредѣленіемъ лицъ, родовъ и чиселъ глаголовъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи получили значеніе оличенія и обособленія предметовъ выраженіемъ указанія, опредѣлительнаго или неопредѣленнаго, присвоенія сведеніемъ общихъ понятій рода и вида на единичныя представленія.

с. Изъ личныхъ произошли всѣ прочія мѣстоименія, или собственно мѣстоименныя (pronominalia), удержавъ даже окончанія ихъ въ склоненіи, съ приставками въ началѣ или въ концѣ корня.

д. Въ этой части рѣчи, въ отношеніи къ русскому языку, съ перваго взгляда не представляющей порядка въ развитіи своемъ, сохранился общій характеръ индоевропейскихъ языковъ, и въ ней еще живетъ сродство съ соплеменными славянскими нарѣчіями.

(*) Grimm ч. III, стр. 9.

(**) Послѣсловіе Острог. Еванг.

(***) Лавр. сп. Нестора.

е. Мѣстоименіе, не вмѣсто имени употребляется, а составляетъ необходимую потребность при глаголѣ и имени. Въ славянскихъ языкахъ оно слилось и съ прилагательными именами, для полноты и опредѣленности, и стало служить имъ окончаніемъ.

г. Раздѣленіе мѣстоименій на виды основывается на сущности ихъ и значеніи: какъ часть рѣчи олицетворяющая и обособляющая, они относятся или къ глаголу, или къ имени. Отсюда произошли собственно мѣстоименія, или мѣстоименія личныя, и мѣстоименныя, или всѣ прочія мѣстоименія, склоняющіяся одинаково съ 3-мъ л. личнаго мѣстоименія. Сверхъ того они могутъ быть разсматриваемы въ отношеніи субъективномъ и объективномъ; въ

первомъ отношеніи они принимаютъ форму существительныхъ, прилагательныхъ и нарѣчій; во второмъ — они образуютъ различные виды, смотря по большей или меньшей степени опредѣлительности, большаго или меньшаго обособленія предметовъ и сведенія ихъ отъ общихъ понятій на единичныя представленія. Цѣль ихъ живописать предъ нашими глазами дѣйствіе и бытіе въ опредѣленныхъ образахъ, изображать осязательно все то, что первоначально въ умѣ нашемъ представляется общимъ, неопредѣленнымъ. Единичные предметы окружающей насъ природы, становясь собственностью духа нашего, переходятъ въ понятія; посредствомъ же мѣстоименій эти общія понятія преобразуются въ единичныя представленія предметовъ.

